

К

увейт, Бахрейн, Катар... С точки зрения буржуазной прессы, это не просто конкретные страны и даже не географические понятия! Это своеобразные «сказочные аномалии», символы «невообразимого богатства», порожденного «незаработанными» доходами от нефти.

Действительно, Кувейт, Бахрейн и Катар расположены в центре богатейшего нефтеносного района, где годовой дебит местной скважины в среднем превышает 230 тысяч тонн (против 0,6 тысячи тонн в США или 15,7 тысячи тонн в Венесуэле). В 1960 году там было добыто свыше 160 миллионов тонн сырой нефти, то есть более половины нефти, полученной на всем Ближнем и Среднем Востоке.

Нефтяная промышленность этих княжеств Персидского залива, отданная, как известно, на откуп крупнейшим американским и английским монополиям, приносит огромные доходы обеим сторонам. За период с 1950 по 1959 год включительно общая сумма концессионных платежей превысила три миллиарда долларов. Подумать только, брюзжат западные экономисты, за какие-нибудь 10 лет доходы Кувейта от нефти в распределении на душу населения превысили 12 тысяч долларов! Это ли не «сказочное богатство», не возможность процветания и безбедного существования!

Жонглирование некоторыми статистическими данными практикуется для того, чтобы создать иллюзию расцвета Кувейта, Бахрейна и Катара с «помощью» иностранного капитала. На деле, разумеется, все обстоит иначе.

Прежде всего о доходах. Известно, что в княжествах Персидского залива практически нет различия между государственными бюджетами и собственным карманом правящих фамилий. В Кувейте, например, условно считается, что треть поступающих доходов присваивается шейхом и его семьей официально, другая — откладывается на банковский счет княжества в Лондоне и фактически тоже является собственностью шейха, и только последняя — формально составляет основу доходной части бюджета, от которого обычно отказываются в течение года, ибо все министерства возглавляются членами правящего дома, не признающими финансового контроля. Иностранный капитал щедро оплачивает услуги местных правящих кругов, продавших национальное богатство — нефть, и оказывает самое пагубное влияние на местную экономику. Ни о каком экономическом прогрессе или улучшении жизненных условий населения не может быть и речи.

В Кувейте, Бахрейне и Катаре давно зачали ремесла и промыслы, растет пауперизация крестьянства, обнищание пролетариата, наблюдается разгул феодально-теократической деспотии, запретившей партии, профсоюзы и прочие общественные организации. Трудовое законодательство там практически отсутствует. Малейшие признаки недовольства вызывают жестокие полицейские репрессии.

Рабочий день нефтяников в районе Персидского залива продолжается 12—14 часов и более, то есть практически ничем не ограничен. За свой каторжный труд под палящими лучами тропического солнца в песках пустыни или в душных цехах нефтеперерабатывающих заводов рабочие БАПКО («Бахрейн петролеум компани») получают около двух амери-

МИФ

О ЗЕМНОМ «РАЕ»

В. БОДЯНСКИЙ

канских долларов в день, рабочие АРАМКО («Арабиен-америкэн ойл компани») — немногим более 1,5 американского доллара. Это в пять-шесть раз ниже заработной платы рабочих-нефтяников в США и несравнимо меньше того, что получают находящиеся на службе у БАПКО или АРАМКО инженерно-технические сотрудники — европейцы и американцы. Нефтяные монополии широко поощряют иммиграцию в Кувейт, Бахрейн и Катар рабочих из многих стран Ближнего и Среднего Востока, из Индии и стран Юго-Восточной Азии. Среди рабочих-нефтяников БАПКО насчитывается, например, до 15 различных национальных групп. При этом характерно, что условия труда и оплаты, а также бытовые условия рабочих БАПКО зависят не только от квалификации и должности, но также и от национальности.

Тем не менее условия жизни рабочих-нефтяников Кувейта, Бахрейна и Катара все же несколько лучше тех, в которых живет и трудится большая часть местного населения. Поистине чудовищная средневековая эксплуатация царит в традиционном для тех мест жемчужном промысле. В сезонное время в районе богатейших в мире жемчужных отмелей Персидского залива трудятся десятки тысяч человек. Лов ведется теми же методами, которые применялись более ста лет назад. Опытный ловец-водолаз, все оснащение которого ограничивается ножом, сеткой-мешком и костяным зажимом для носа, в течение рабочего дня погружается на глубину до 22 метров 30—40 раз. Даже физический сильный человек выдерживает такую нагрузку не более пяти лет, за которыми следует инвалидность, если до этого не наступает смерть от ран, нанесенных подводными хищниками, незаживающих язв, вызванных порезами о кораллы, кессонной болезни и т. д. Но даже при этом труд водолазов оплачивается мизерно. Средневековая система издольщины служит основой расчета, согласно которому 10 процентов выручки от продажи жемчужин поступает ростовщикам, 20 процентов — правительству, а остаток делится между владельцем лодки, ловцами, матросами и местными чиновниками. Ловцам достается лишь седьмая часть вырученных денег; их, разумеется, не хватает на жизнь.

Условия труда, оплаты и уровня жизни рабочих-нефтяников и ловцов-водолазов в положении трудящихся Кувейта, Бахрейна и Катара представляются двумя полюсами. Где-то между ними находятся уровни жизни местных рабочих немногочисленных предприятий, портовиков, ремесленников, крестьян и рыбаков.

Такова правда о «рае» на земле, миф о котором популяризируется на Западе апологетами империализма.